

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2018-12-1.31>

Пелевина Наталия Александровна, Яковлева Евгения Викторовна

**СЕНСУАЛЬНОСТЬ И СОМАТИКА КАК МАРКЕРЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ЭМОТИВНОСТИ В
ТЕКСТАХ "ЛАГЕРНОЙ ПРОЗЫ" (НА ПРИМЕРЕ ПОВЕСТИ А. И. СОЛЖЕНИЦЫНА "ОДИН ДЕНЬ
ИВАНА ДЕНИСОВИЧА")**

В настоящей статье анализируются лексемы с семантикой сенсуальности и соматики как специфические вербализаторы авторского смысла. Материалом для исследования служат художественные тексты "лагерной прозы", органично объединяющие общелингвокультурные и авторские смыслы. Именно в синергии смысловых компонентов и образуется генерализованный смысл произведения. Соматическая и сенсуальная лексика в "лагерной прозе" представляет собой активную маркированную группу овеществления компонентов эмотивной сферы концептуально-валерной системы автора.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2018/12-1/31.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2018. № 12(90). Ч. 1. С. 147-150. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2018/12-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

УДК 81'33

Дата поступления рукописи: 05.10.2018

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2018-12-1.31>

В настоящей статье анализируются лексемы с семантикой сенсуальности и соматики как специфические вербализаторы авторского смысла. Материалом для исследования служат художественные тексты «лагерной прозы», органично объединяющие общелингвокультурные и авторские смыслы. Именно в синергии смысловых компонентов и образуется генерализованный смысл произведения. Соматическая и сенсуальная лексика в «лагерной прозе» представляет собой активную маркированную группу овеществления компонентов эмотивной сферы концептуально-валерной системы автора.

Ключевые слова и фразы: соматизм; сенсуализм; «лагерная проза»; синергия; концептуально-валерная система; идиостиль.

Пелевина Наталия Александровна

*Армавирский государственный педагогический университет
npelevina14@gmail.com*

Яковлева Евгения Викторовна, к. филол. н.

*Северо-Кавказский федеральный университет, г. Ставрополь
evgeniyaviktorovnst@yandex.ru*

СЕНСУАЛЬНОСТЬ И СОМАТИКА КАК МАРКЕРЫ ОПРЕДЕМЧИВАНИЯ ЭМОТИВНОСТИ В ТЕКСТАХ «ЛАГЕРНОЙ ПРОЗЫ» (НА ПРИМЕРЕ ПОВЕСТИ А. И. СОЛЖЕНИЦЫНА «ОДИН ДЕНЬ ИВАНА ДЕНИСОВИЧА»)

Генерация общего содержания эмотивно-психологического художественного текста представляется одной из наиболее сложных проблем современной текстологии и смыслопорождения. Одним из течений, позволяющих объяснить данные процессы, на настоящий момент является теория филологической феноменологической герменевтики С. Н. Бредихина [1-3]. Применение основных постулатов концепции констант смыслопорождения к анализу конвергенции компонентов авторских и лингвокультурных смыслов позволяет выявить принципы синергетического взаимодействия в преломлении ценностных ориентаций общества в авторской концептуально-валерной системе [3, с. 210]. **Актуальность** анализа синергии компонентов семантики соматических и сенсуальных маркеров определяется необходимостью выявления наиболее эффективных способов актуализации конвергирующих элементов в глубинной содержательной структуре текста. На сегодняшний день практически не исследована область двунаправленной трансакции ноэматических элементов (пополнение концептуализированных понятий актуализированными компонентами индивидуально-личностного ценностно-ориентационного пространства), при этом в текстах «лагерной прозы» данные процессы представлены наиболее широко, что делает их анализ в этом аспекте актуальным с точки зрения изучения когнитивных механизмов концептуализации и эмотивизации.

В рамках филологической феноменологической герменевтики разработана модель выделения ноэматических компонентов смысла, учитывающая в качестве основных констант ситуативность, модальность, темпоральность, константу фоновых знаний, концептуально-валерные системы продуцента и реципиента [Там же], в порождении глубинного содержания текста как последовательности эстетических (актуализированных) и фоновых (генерализованных) знаков [Там же, с. 211]. Подобный анализ смыслового пространства наиболее релевантен при рассмотрении художественных текстов осложненной семантической структуры, какими, собственно, и являются произведения «лагерной прозы». Их осложненность заключается в комплексном взаимодействии фоновых и авторских смысловых конструкторов в реализации максимального эмотивного перлокутивного эффекта.

Главная **цель** работы – выявить и описать принципы синергии лингвокультурных и личностных аспектов сенсуального и соматического концептуального пространства в их конвергенции при опредмечивании эмоций.

В качестве конкретных задач исследования необходимо указать следующие:

- выявить функционально-прагматическую специфику соматизмов и сенсуализмов в текстах «лагерной прозы»;
- описать возможности маркеров чувственности и телесности в экспликации авторско-личностной и общелингвокультурной концептуально-валерной системы;
- проанализировать механизмы конвергенции ноэмного состава сенсуальной и соматической лексики в процессе опредмечивания/распредмечивания лингвокультурных концептов.

В работе к анализу художественных текстов «лагерной прозы» впервые применяется концепция констант смыслопорождения в рамках герменевтико-ноэматического метода, что обеспечивает некоторую универсальность выводов для текстов осложненной семантики и **научную новизну** исследования. Результаты анализа формируют методологическую базу для дальнейшего изучения данного жанра русской и мировой литературы (в рамках художественного «живописания» феноменов пенитенциарного дискурса) как «текста культуры, как отражения целостного когнитивного механизма» [Там же]. Определены основные

функционально-прагматические характеристики вербализаторов сенсуального и соматического пространства художественного текста.

Тексты «лагерной прозы» представляются целым сонмом стилистически и семантически весьма разнообразных текстов, образующих, однако, единотематический нарратив. Каждый элемент текстового пространства, по мнению Г. С. Сырицы, разрабатывающей теорию поэтического текста [9, с. 128], представляет собой практически неограниченный простор смыслодеривации. Языковые единицы в процессе преломления в концептуально-валерной системе автора получают контекстуальную, контаминированную семантику в рамках приращения комбинаторными элементами текста (в контекстуальном окружении). По меткому замечанию профессора Г. О. Винокура, «способность слова обрастать различными нюансами смысла, благодаря тому, что оно опрокинуто в тему и идею художественного замысла, и определяет специфическое свойство поэтического слова...» [5, с. 12]. Маркеры сенсуального и соматического опыта обладают в этом аспекте невероятно широкими возможностями ввиду их социально-культурной и языковой освоенности всеми европейскими лингвокультурами. Данный факт основывается, прежде всего, на вхождении в рассматриваемый фонд языковой системы родовой, древней лексики, отражающей мифологические и телесно-бытовые компоненты картины мира. Соматические и сенсуальные вербализаторы всегда четко градуированы в языковой системе на основе критерия репрезентации в языковых знаках кинестетических аспектов кинемы [6], подобной систематизации, однако, не наблюдается в процессе интенциональной амфиболизации эмотивного текста. Практически каждая из рассматриваемых ниже лексем несет в себе скрытые смыслы, укорененные в потенции, которые актуализируются (расширяя или сужая общее семантическое пространство) автором в процессе порождения новых содержательных единств «параллельно к уже имеющимся, выстраивая амфиболию смысла» [2, с. 491].

Единицы лексико-семантического пространства «телесность» и «чувственность» зачастую занимают доминирующее положение в экспликации эмоциональных компонентов в обиходно-разговорной коммуникации – это и соматизмы, и терминоиды предметной области «медицина», и даже обсценная лексика. Чаще всего в ткани литературного произведения, кроме случаев создания речевого портрета героя в прямой речи, сенсуализмы и соматизмы употребляются в переносном значении, они не просто номинируют с той или иной степенью экспрессивной оценочности части тела, акты взаимодействия персонажей и т.п. Автор продуцирует общекультурное отношение к фактам объективной реальности (лагерное прошлое, пребывание в «местах не столь отдаленных», критерии виновности/невиновности и т.д.), масштабируя и акцентуализируя посредством рассматриваемых единиц, используемых в их трансформированном значении в составе тропов или авторских окказиональных групп, свое собственное отношение к «истине» как «области пересечения концептуально-валерных систем... членов лингвокультурного сообщества» [1, с. 437].

Как известно, соматизмы и сенсуализмы (по крайней мере, в их общеупотребительном аспекте семантики) не входят в систему художественного повествования, которая реализуется в предельно образной и выразительной форме. Однако их функциональная нагрузка в текстах «лагерной прозы» весьма существенна: «*Доел Шухов пайку свою до самых рук...*», «*И кружь такая пошла по телу всему, и даже как будто хмель в ноги и в голову*», «*Заколыхалась, сбилась с ровной ноги, дернулась, загудела, загудела...*» [8]. Подобная представленность соматизмов в тексте эксплицирует различные компоненты смысловой иерархии, которые актуализируют нозмы «целостность», «постоянство», «аффицируемость», «тщетность» и т.п. в рамках реализации концептуального поля ГОЛОД. В этом перечне можно представить и терминоиды медицинской тематики (понос, голод, рот, зубы и т.д.).

Сенсуальная и соматическая лексика достаточно хорошо типизируется языковой системой в рамках гипо-гиперонимических отношений, однако в контексте данная классификация не всегда работает по причине трансформации значения в рамках авторской акцентуации.

Например: ...*окостеневшие десны жевали хлеб за зубы* [Там же]...

В данном примере довольно образно показанная реалия выпадения зубов отнюдь не является самоцелью, она имплицитно реализует текстокогерентный феномен ГОЛОД, хотя прямая номинация столь, казалось бы, значимого для послевоенного поколения понятия в тексте практически отсутствует (в тексте рассказа лишь семь репрезентом с корнем -голод-). Интенциональный аспект репрезентации индивидуального объективного и рефлексивного опыта автора (работа каменщиком в Особом лагере и воспоминания о солдате Шухове из расчета А. И. Солженицына) конвергирует с общелингвокультурным опытом советского народа (голод 30-х годов XX в., голод в военные и послевоенные годы), создавая новые компоненты смысла, воссоединяя «сидельцев» с другими членами лингвокультурного сообщества, эксплицируя ту часть семантики слова, которая «связана с национальной культурой – культурный компонент значения» [4, с. 135]. Эта синергия перлокутивных актов создает единое эпистемическое восприятие и интерпретацию у читателя, а транслируясь во времени и пространстве, изменяет и концептуально-валерную систему целого народа, а иногда и всего мира (данный рассказ переведен на 13 языков, и на большинстве из них существует по несколько как авторизованных А. И. Солженицыным, так и достаточно вольных переводов-интерпретаций). В данном случае каждый интерпретатор попадает в зависимость от языкового выражения, испытывает на себе его «программное воздействие... сбивающее нас с толку» [1, с. 435] и дающее несвойственный и не закрепленный в рефлексивной реальности реципиента вариант прочтения скрытого эмотивного смысла.

Весьма интересны пассажи, в которых экспликация авторского эмотивного смысла базируется на конвергенции с компонентами общекультурной сенсуализации. Подобное можно наблюдать при ассоциативной окказиональной реминисценции к библейским текстам посредством употребления специфической лексики, например:

...*смотрит на солнце и радуется, улыбка на губы сошла* [7].

В предикативной группе *улыбка на губы сошла* содержится эксплицитная отсылка к охранной православно-молитвенной «Шел Господь с небес, нес животворящий крест», структурирующая стереотипную ситуацию защиты от всякого зла. Но следует подчеркнуть, что глубинные смыслы проявляются в случае наличия достаточных фоновых знаний у реципиента, ведь в тексте молитвы говорится: «Загороди меня, Господи, от земли до неба железным тыном. Закрой меня, Господи, девятью замками, девятью ключами» [8]. Подобная скрытая аллюзия позволяет выстроить ассоциативный ряд, подводящий к мысли о закреплённой в сознании русскоязычного реципиента оправданности и априорному состраданию к людям, попавшим в места заключения – «от сумы да от тюрьмы не зарекайся». В рамках подобного опредмечивания эмотивных аксиологических компонентов глубинного содержания стереотипные, уже имеющиеся в языковом сообществе семемы «формального параллельного понятия отделяются от такового в переосмысленном конструкте и не несут никакого сопутствующего интенционального... компонента» [2, с. 491].

Как одну из концептуальных идиостилевых черт автора можно отметить нивелирование архетипической оппозиции «духовное/телесное», стереотипное членение мира на людской и «горний», характерное для христианского ценностно-ориентационного пространства, отмечается, и часто соматическое становится доминантой в экспликации духовного, т.е. соматизмы и сенсуализмы представляются в качестве опредмечивающих маркеров эмотивных смыслов [10, с. 202].

Данная лексема употребляется в рассказе девять раз, при этом каждый раз ей в предикативной фразе сопутствуют различные интенсификаторы, большей частью в глагольной форме: *губы закуся, забрал губами, губы горят* и т.п., что позволяет этой части тела, по сути, жить в произведении собственной жизнью, придавая ей специфическую сенсуальную маркированность.

Атрибутивные сочетания с лексемой *глаза* в ряде примеров передают степень физического истощения и, продолжая когерентную тематику слияния телесного и духовного («глаза – зеркало души»), эксплицируют авторские смыслы близости «сидельцев» к Богу.

Например:

Эстонцы эти были оба белые, оба длинные, оба худощавые, оба с долгими носами, с большими глазами [8].

Вдовушкин поднял от работы спокойные, большие глаза [Там же].

Глаза при этом, как правило, описываются как *большие*, смотрящие в себя, этим и эксплицируется рефлексия автора, направленность на собственную концептуально-валерную систему.

В тексте встречаются конструкции, оформленные в качестве окказиональных парцелированных конструкций, придающие динамические компоненты приемам статического описания. Подобный динамизм в созерцательном пассаже изменяет рамки повествовательного хронотопа, заставляя читателя вслед за героем переживать феномен растягивающегося времени:

Глазом по отвесу. Глазом плашмя. Схвачено. Следующий [Там же]!

Контровверс зрительного и пространственного ощущений способствует актуализации нового смысла «нереальности происходящего», гиперболизации тактильных ощущений в эллиптическом предложении, при общей семантической сложности конструкции.

Оригинальность индивидуально-личностной обработки сенсуальных и соматических образов заключается не только в их включении в нестереотипные по тематике контексты, но и в специфической авторской иллюкативной цели (константе интенциональности) на «отсутствие у его продуцента и реципиента установки на одномерность смысла» [1, с. 433]. Так, например, в пассаже о манере курить трубку Цезарем Марковичем для повышения степени экспрессивности и экспликации ноем «нервозность», «раздражение» используется сенсуализм *возбуждать*, в его амфиболичном прочтении.

*Он курил, чтобы **возбудить** в себе сильную **мысль** и дать ей **найти** что-то* [8].

Персонализация когнитивного процесса мышления, придание ему оттенка телесности и приземленности возводит сенсуальность в абсолют, ставя знак равенства между плотским и духовным наслаждением. Взаимозависимость процессов курения и «мыследействования» релевантна не только в системе ценностей автора, но и в стереотипах культуры (расхожая мысль о поголовном курении в среде «работников интеллектуального труда» / интеллигенции, бытовавшая в послевоенные годы). Таким образом, конвергенция авторских и культурных оборотов смысла происходит в рамках опредмечивания эмоциональной сферы на этапе лексического ввода амфиболии смысла по ходу его развертывания, когда «на первый план выходят различные интерпретации, любая из которых удовлетворяет реципиента лишь на момент её восприятия, до смены её последующей» [1, с. 436].

Таким образом, на основании результатов анализа можно утверждать, что художественное слово имеет неограниченные лингвокогнитивные возможности порождения вторичных образных номинаций [2, с. 492], связывающих воедино общелингвокультурную и авторскую концептуально-валерные системы. Каждый из стереотипных, формально принятых компонентов глубинного содержания в текстах «лагерной прозы» осложненной семантики характеризуется постоянной и намеренной деструкцией ядерного поля, что ведет к производству специфических литературных произведений, являющихся репрезентативными в отношении реализации максимального воздействия по изменению ценностно-ориентационного пространства целого языкового сообщества. Сближение «телесного» и «духовного» на основе сенсуализации и соматизации опредмеченных

эмотивных компонентов «смысловой суперструктуры активизирует скрытые потенции языка, заставляет размышлять о противоречивых, парадоксальных явлениях его функционирования» [Там же, с. 494].

Высказывания как с соматическими, так и сенсуальными включениями дают возможность автору практически строить особый тип восприятия произведения читателем, часто на подсознательном (ноэмотическом) уровне актуализировать тонкие нюансы смысла, производить акцентуацию обертонов персонажного поведения. Данные приемы вносят существенный вклад в построение генерализованного эмотивно-психологического содержания на основе контroversных сочетаний компонентов общелингвокультурного (фонового) и индивидуального опыта. Отметим, что соматические маркеры в отличие от сенсуальных формируют кинетический подтекст, внушая читателю специфическую «схему действия», не лишая его возможности применять и собственные, уже усвоенные алгоритмы, при этом «многомерность практически нивелирует негативную составляющую действия с текстом по схемам» [3, с. 213]. В художественных текстах «лагерной прозы» соматизмы и сенсуализмы используются при вербализации многозначных кинем и понятий эмоционально-психологической сферы, опора на несколько семантических компонентов позволяет описывать сложные и противоречивые состояния самого автора и трансформировать концептуально-валерную систему лингвокультурного сообщества.

В рамках анализа функционально-прагматических особенностей сенсуальной и соматической лексики в одном из наиболее известных произведений жанра «лагерной прозы» «Один день Ивана Денисовича» был выявлен широкий круг экспликативных потенций. Наиболее важными в аспекте актуализации эмотивных обертонов смысла являются следующие когнитивные механизмы: контrovers сенсорных стимулов, соматизация эмоционального восприятия в рамках метафорического/метонимического переноса, концептуализация личностного эмотивно-психического пространства в процессе акцентуации периферийных элементов лингвокультурного концепта. Перераспределение ноем как компонентов глубинной смысловой структуры соматизмов и сенсуализмов дает возможность автору предельно точно вербализовать эмотивные обертоны общего содержания произведения и таким образом прогнозировать «схемы действия» по восприятию и интерпретации его читателем.

Список источников

1. Бредихин С. Н. Проблема индивидуального языка философского дискурса // *Фундаментальные исследования*. 2014. № 5: в 6-ти ч. Ч. 2. С. 433-437.
2. Бредихин С. Н. Этимологическое переразложение и синтез как базовые механизмы дифракции и модификации суперструктуры смысла // *Фундаментальные исследования*. 2013. № 6: в 6-ти ч. Ч. 2. С. 490-494.
3. Бредихин С. Н., Давыдова Л. П. Поэтический текст как коммуникативно-эстетическая категория // *Гуманитарные и юридические исследования*. 2016. № 2. С. 210-216.
4. Верецагин Е. М., Костомаров В. Г. *Язык и культура*. М.: Индрик, 2005. 1038 с.
5. Винокур Г. О. Из бесед о культуре речи // *Русская речь*. 1967. № 3. С. 10-14.
6. Масалева Н. В. Соматизмы в русской языковой картине мира: дисс. ... к. филол. н. Иваново: ИГУ, 2010. 216 с.
7. *Обереги и талисманы* [Электронный ресурс]. URL: http://oberegi-talismany.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=145:2012-07-14-16-11-35&catid=20:2012-07-14-15-06-29&Itemid=43 (дата обращения: 03.10.2018).
8. Солженицын А. И. *Один день Ивана Денисовича* [Электронный ресурс]. URL: http://librebook.me/odin_den_ivana_denisovicha/vol1/1 (дата обращения: 03.10.2018).
9. Сырица Г. С. *Филологический анализ художественного текста*. М.: Флинта; Наука, 2014. 344 с.
10. Фарино Е. *Введение в литературоведение*. СПб.: РГПУ им. А. И. Герцена, 2004. 639 с.

SENSUALITY AND SOMATICS AS MARKERS OF EMOTIVENESS OBJECTIFICATION IN “CAMP PROSE” (BY THE EXAMPLE OF A. I. SOLZHENITSYN’S STORY “ONE DAY IN THE LIFE OF IVAN DENISOVICH”)

Pelevina Nataliya Aleksandrovna
Armavir State Pedagogical University
npelevina14@gmail.com

Yakovleva Evgeniya Viktorovna, Ph. D. in Philology
North Caucasus Federal University, Stavropol
evgeniyaviktorovna@yandex.ru

The article analyses lexemes with the semantics of sensuality and somatics as the specific verbalizers of the author’s meaning. The research material includes the literary texts of the “camp prose” genre, which harmoniously combine common linguo-cultural and the author’s own meanings. Just through the synergy of semantic components the generalized meaning of the literary work forms. Somatic and sensual vocabulary in “camp prose” is an active marked lexical group objectifying the components of the emotive sphere of the author’s conceptual and value system.

Key words and phrases: somatism; sensualism; “camp prose”; synergy; conceptual and value system; individual style.